

АНДРЕЙ АНДРЕЕВ

Институт социологии РАН / Московский энергетический институт

ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Values in the contemporary Russian society

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российские ценности, российский менталитет, российская идентичность, самореализация, образы истории, модернизация

KEYWORDS: Russian values, Russian mentality, Russian identity, self-realization, images of history, modernization

ABSTRACT: The report highlights the results of sociological studies devoted to the value system of the Russian society. Value priorities of Russians are considered in dynamics and in comparison with other European countries. In the light of empirical data various stereotypes and autostereotypes of national identity are critically analyzed, including the widespread myths about Russians' special inclination towards collectivism and the lack of civil society in Russia. On the basis of data obtained by an original method of psychosemantic sounding the deep structures of the collective psyche together with the specific social representations of Russians and the "world view" that the majority of them share are analyzed. Considerable attention is also paid to the subject-matters of national pride, and to the peculiarities of Russian historical consciousness. On the basis empirical data collected by means of sociological research the question of Russia's place in the system of relations of East – West is posed and discussed.

В удостоенном престижных международных наград фильме А. Сокурова «Франкофония» тема общечеловеческой миссии культуры как бы накладывается на тему фундаментального различия ценностей, в рамках которой Россия выступает в качестве молчаливого оппонента Европы. Насколько актуально это противопоставление в новых условиях, когда российское общество интенсивно втягивается в структуры глобального мира? Посмотрим на это с точки зрения данных, полученных в ходе проводившихся на протяжении ряда лет социологических исследований современного российского общества. Эмпирическую базу настоящей статьи образуют данные социологических опросов разных лет, включая последние по времени исследования Института социологии РАН, проводившиеся весной и осенью 2016 г. (4000 респондентов). Ссылки на исследования 2016 г. в тексте далее специально не оговариваются, за исключением тех случаев, когда это необходимо по смыслу, в том числе для

того, чтобы отделить их результаты от приводимых для сравнения данных других, более ранних, исследований.

Начнем наш анализ с того, что неоспоримо составляет специфическую «субстанцию» социума, – с человека. Какие человеческие качества россияне ценят в большей, а какие в меньшей степени? В предложенном нашим респондентам списке таких качеств значительным большинством в $\frac{3}{4}$ голосов на первое место была выдвинута честность. Сразу вслед за тем по результатам «мягкого» голосования (из 17 включенных в список качеств разрешалось выбрать не более 5) было поставлено трудолюбие (около 61,5%) и далее – почти на равных – справедливость и ответственность за себя и своих близких (соответственно 54 и 52%).

Исходя из данных социологических опросов, проводившихся на рубеже столетий и в начале 2000-х гг. в разных странах мира, следует обратить внимание на то, что Россия оказалась единственным из ведущих государств Европы, в котором первое место среди важнейших личностных качеств, которые родители хотели бы видеть в своих детях, устойчиво отводилось трудолюбию. Учитывая стереотипное представление о русских, это могло показаться парадоксальным. Тем не менее, по данным опросов World Value Survey (WVS, 2007), в славящейся добросовестным отношением к труду Германии такое мнение высказала только четверть опрошенных, в Великобритании – несколько более трети (38%), а в Швеции... всего 4% (!). Что-то приближающееся к российскому взгляду на ценность трудолюбия можно было найти, пожалуй, только за границами европейского континента. Например, в США, где это качество хотели бы видеть в своих детях приблизительно 60% опрошенных (пусть это не российские 88–90%, но все-таки...). Сравнивая себя с другими народами, сами россияне обычно признают некоторое превосходство в трудолюбии только за немцами. Однако обращает на себя внимание то, что они заметно реже, чем немцы, считают, что жить стоит только ради удовольствий, и гораздо чаще видят ее смысл в работе.

Продолжая ту же тему сопоставления привычных стереотипов с социологическими фактами, перейдем теперь к вопросу о соотношении коллективизма и индивидуализма в сознании и социальном поведении россиян. Склонность к общинности издавна рассматривается как специфическая черта русского менталитета и, соответственно, национального характера. При этом общинность/коллективизм, привычно противопоставляемая «западному индивидуализму», трактуется как своего рода метафизическое основание целого ряда конкретных политико-психологических характеристик российского социума – как, например, приписываемых ему патерналистских настроений. Но при обращении к эмпирическим данным, характеризующим сегодняшнее состояние российского общества, она кажется совершенно умозрительной. Баланс индивидуалистических и коллективистских установок замерялся

неоднократно и на протяжении по крайней мере полутора десятилетий он варьировался очень незначительно. Например, в 2000 г. 59% опрошенных утверждали, что принимая решение по серьезным жизненным вопросам, они будут руководствоваться в первую очередь интересами своей семьи. И в 2016 г. мы получили практически ту же цифру: 60%. Предпочтительность коллективизма перед индивидуализмом начинает сказываться ближе к 40-летнему возрасту. В целом в возрастной когорте 41–50 количество респондентов, у которых положительные ассоциации связаны в основном с коллективизмом, и тех у кого они связаны с индивидуализмом, практически уравнивается на отметке 32–34%, а среди 50–60-летних симпатии к коллективизму становятся преобладающими.

Таким образом, независимо от того, насколько верен тезис об общинной природе русского народа и его коллективистской ментальности применительно к XIX или началу XX века, ясно, что к современным русским эта характеристика вряд ли подходит. Социальная история России послевоенного периода в значительной степени была историей формирования и развития индивидуалистических настроений, которые в последний период существования советской власти все больше сопрягались с социальной мотивацией «общества потребления», постепенно вырастая в значимый фактор массового сознания, определяющий всю гамму настроений советских граждан (Дилигенский 2000).

Именно индивидуализм (или даже сверхиндивидуализм?) россиян во многих случаях может служить концептуальным ключом к правильному пониманию некоторых происходящих в России социальных и политических процессов, которые отличают ее от большинства стран Европы. Это касается, в частности, и очень непростого вопроса о судьбах и особенностях российской демократии. Как известно, на рубеже 80-х и 90-х годов XX века страна пережила период чрезвычайно бурной демократизации общественной и политической жизни. Эта заря прорастающей снизу «демократии участия» оказалась, однако, очень недолгой. И не только потому, что свертывания этих процессов активно добивалась влиятельная часть как старой, так и новой («демократической») политической элиты. Дело в том, что россияне, когда они взаимодействуют в неинституционализированных коммуникативных пространствах, зачастую слишком бескомпромиссны и склонны абсолютизировать свою личную точку зрения. Это и оборачивается пониженной способностью к конструктивному гражданскому сотрудничеству.

И все же мы не торопились бы соглашаться с довольно часто высказываемыми сетованиями на то, что в России отсутствует гражданское общество или что у него здесь нет прочных исторических корней. В действительности специфика российской модели определяется не наличием (или, соответственно, отсутствием) гражданского общества как такового, а устойчивым воспроизводством в России совершенно особого режима «пульсирующей»

гражданственности. Это означает, что структура гражданского общества в России (его, если можно так выразиться, «ризомы») не стационарна. В определенных условиях, когда коллективное политическое действие становится невозможным или непродуктивным, она может «свертываться». Но, хотя при этом часто кажется, что она уничтожена или умерла, на самом деле этого не происходит – она лишь переходит в латентное состояние и, когда для этого возникают социально-исторические условия, вновь быстро развертывается, обеспечивая в критические моменты истории соответствующий уровень гражданской мобилизации.

Однако вернемся к вопросу о личных интересах и личной самореализации. Отвечая на вопрос, что определяет жизненный успех человека, большинство наших респондентов (свыше 56%) назвали семью и рождение детей. При этом отклонение значения данного индикатора от среднего по всем социально-демографическим группам (возраст, пол, образование, тип поселения и др.) составило не более 1–2%. Финансовое благополучие заняло только вторую ранговую позицию, хотя и с очень небольшим отрывом – всего лишь 2 процентных пункта. Первостепенное значение для россиян имеют также работа, образование и самореализация (на оба эти фактора указали от 40% до 50% опрошенных). Социетальные ценности (быть полезным людям, жить в хорошо устроенном, справедливом обществе, общаться с друзьями) не столь важны – их отметили от 1/5 до 1/4 участников опроса. Карьера, яркие впечатления, знакомства и связи привлекают лишь одного из 6–7 респондентов, причем, как нетрудно было предположить, эти позиции наиболее значимы для молодежи, тогда как люди старшего возраста больше ценят признание, верность принципам и способность приносить пользу обществу. На последнем месте во всех социально-демографических группах с ожидаемо мизерным результатом стоит политика и политическая деятельность – эта позиция упоминается менее чем в 50 из заполненных в ходе опроса 4000 анкет.

Как известно, смена общественного строя в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве сопровождалась множественной трансформацией идентичностей. Постсоветская Россия не осталась в стороне от этого процесса, но здесь он имел иную динамику и привел к иным результатам, чем в других государствах, образовавшихся на руинах бывшего «советского блока» (Ачкасов 2013). Главной из них было то, что Россия иначе взаимодействовала с внешнеполитической средой глобального мира, чем малые страны Европы. Однако определенную роль, по-видимому, играют и другие факторы. Прежде всего это социокультурные микросреды, в которых происходит социализация подрастающего поколения и осуществляется личностно окрашенная трансляция социальных представлений и исторического опыта.

С целью зондирования смысловых структур идентичности в ходе проведенного исследования респондентам было предложено ответить на несколько

вопросов различного плана. Прежде всего мы попытались выявить и очертить тот набор ценностей, которые так или иначе разделяет большинство россиян. В ходе проведенного в 2016 г. опроса респондентам было предложено зафиксировать свое отношение к 34 социально значимым понятиям (но в прошлых исследованиях использовались и более развернутые списки, насчитывавшие до 99 слов). Исходя из полученных нами последних данных, мы определили бы ведущую тройку российских ценностей следующим образом: справедливость – Родина – свобода. Уровень позитивных откликов на каждое из этих понятий лежит в интервале 80–90%, доля негативных реакций не превышает 1%, а разброс значений индикаторов по всем социально-демографическим группам укладывается в достаточно узкую полосу плюс – минус 3–4%. Приведем для контраста и тройку антиценностей: революция (почти 50% открыто негативных реакций), Запад, капитализм. Разумеется, этот итог не следует абсолютизировать: если бы список предъявляемых респондентам понятий был более обширным, и к той, и к другой тройке могли бы добавиться еще некоторые понятия. Однако выбор наших респондентов и в тех граничных условиях, которые были им заданы, является достаточно показательным.

Очень важен для характеристики российской идентичности вопрос о предметах национальной гордости россиян. Сопоставление данных за разные годы демонстрирует большую устойчивость в расстановке ценностных приоритетов. На первое место с довольно большим отрывом от остальных возможных вариантов ответа россияне неизменно ставят Победу в Великой Отечественной войне. Так, в 1998 г. это событие назвали предметом гордости примерно 81% опрошенных (Российская... 2008), а в 2015 – свыше 76%. Распределение ответов на этот вопрос совершенно не зависит от уровня доходов и образования, типа поселения и национальности респондентов, но незначительно коррелирует с возрастом (порядок цифр: у самых молодых это около 70%, в средних возрастных когортах примерно 75%, в старших свыше 80%). Второе место в нашем рейтинге также устойчиво занимает восстановление страны после войны – в 1998 г. соответствующую строку в списке событий, вызывающих чувство гордости назвали примерно 70% опрошенных, в 2016 – почти 59%. Свыше половина участников опроса внесли в реестр славных дел страны и ее народа творчество выдающихся писателей, поэтов и композиторов, около 46% – достижения российской (советской) науки и техники, космический полет Ю. Гагарина. А вот оценка гласности и перестройки времен М. С. Горбачева, а также проводившихся в 1990-е годы рыночных реформ на протяжении всего периода наблюдений остается стабильно низкой. В настоящее время этими эпизодами отечественной истории гордятся не более 1,5–2% населения страны. Достаточно скромно (на уровне 7,5%) оценивается ликвидация «железного занавеса» между Россией и остальным миром. И наконец, в преддверии столетия Октябрьской революции 1917 г. приходится сказать

о том, что это событие больше не вызывает у россиян никакого энтузиазма. Продолжают считать Октябрь в числе великих наших свершений немногим более 6%, и только среди граждан пенсионного возраста (категория 60+) эта цифра поднимается до 11%.

И национальная гордость народа, и символический строй его бытия имеют своим основанием историю, точнее – ее преломление в коллективной исторической памяти. Этот пласт массового сознания неоднократно зондировался в ходе различных исследований, что позволяет проследивать динамику представлений россиян о своем далеком и недавнем прошлом. В рамках очередного опроса, результаты которого представлены в настоящем докладе, наши респонденты должны были прояснить данную тему, ответив на вопрос, какой период истории в наибольшей степени соответствует их представлениям о том, какой должна быть Россия. Сразу же скажем, что мы получили в итоге очень фрагментированную и нечеткую картину. Примерно 40% опрошенных ответили, что таких периодов вообще нет, причем – это весьма примечательно – среди юношей и девушек до 30 лет данная цифра поднимается почти до 50%. Среди тех, кто все-таки нашел в истории воплощение своих идеалов, выявилась довольно значительная поляризация мнений, причем даже наиболее распространенные варианты ответов не собрали в свою поддержку хотя бы относительного большинства. Наиболее привлекательными для наших сограждан оказались две исторические эпохи – «золотая осень» советской власти и... нынешнее время. Число сторонников этих двух точек зрения в целом оказалось практически равным – за каждую из них «проголосовало» чуть более 19% респондентов. Однако социальные характеристики их сторонников ожидаемым образом различаются. Первую из них больше поддерживают люди пожилого возраста (среди граждан старше 60 лет таких оказалось более трети), малообеспеченные, жители не крупных городов, тогда как вторую – молодежь (среди респондентов в возрасте до 40 лет таких около четверти), жители мегаполисов, материально хорошо обеспеченные.

Понятно, что трудная пора становления советской власти мало кому кажется привлекательным временем. Таких «революционных романтиков» среди россиян насчитывается всего около 7% (заметим, впрочем, что в возрастной категории 60+ их доля повышается примерно в два раза). Не намного больше и тех, чьи симпатии склоняются в сторону дореволюционной России (жители мегаполисов – единственная группа, где эта эпоха получила сравнительно высокую оценку, опередила последние годы советской власти и оказалась почти столь же привлекательной, как и наше время). Но, безусловно, самым плохим временем россияне считают горбачевскую «перестройку» и реформы 1990-х годов. Противоположного мнения придерживается ничтожное меньшинство, один – два человека из ста. При этом наши сограждане проявляют редкое единодушие – такой результат был получен во всех без исключения

социально-демографических группах, независимо от возраста, уровня благосостояния, образования, типа поселения или национальности.

В тесной связи с отношением к истории логично было бы рассмотреть и отношение россиян к традициям. Само понятие «традиция» в их сознании имеет даже более позитивную окраску, чем «прошлое». В целом по выборке оно вызвало менее 2% отрицательных реакций при более чем 65% положительных. Разумеется, реакции эти более всего дифференцированы по возрасту. У самых старших (60+) уровень положительных ассоциаций со словом «традиция» выше, чем у молодежи до 30 лет. Однако, и в младших возрастных когортах оно не столько отрицательное, сколько более нейтральное. Уровень же ясно выраженных антипатий к традициям у юношей и девушек до 30 лет не превышает 3%, а к прошлому как таковому 9%. Из приведенных данных следует, что традиции – это достаточно значимая для россиян *социальная ценность*.

Подобно всем людям на Земле, граждане России стремятся к благосостоянию, современному комфорту, повышению уровня жизни и процветанию. Однако для них важна не только цель, но и средства, не только чисто финансовый эквивалент процветания, но и его содержательная сторона. В этом плане социальное мышление россиян нельзя назвать чисто экономическим, оно включает в себя и определенное представление о самоуважении, основанное на достижениях и вместе с тем просветительских по своему генезису ценностях. «Настоящая», «успешная модернизация», в соответствии с представлениями россиян, – это когда Россия сможет зарабатывать не на природных богатствах, инфраструктуре или выгодном геополитическом положении, а на производстве интеллектуального продукта. На этом наши респонденты неизменно настаивали во всех опросах, в ходе которых зондировалось их мнение по поводу возможных стратегий развития России. Вместе с тем в подходах к этому кругу вопросов отчетливо проявляется одна из самых характерных черт российского менталитета – сочетание, даже переплетение интенсивных модернизационных устремлений с традиционализмом. Российское общество прямо-таки одержимо научно-техническим прогрессом, но при всем этом оно очень привержено традициям. В определенном смысле можно сказать, что Россия склоняется к той модели развития, которую, если угодно, можно назвать *традиционалистской модернизацией*. Эта модель, вообще говоря, не является уникальной: нечто подобное демонстрирует миру КНР, в идеологии которой предложенная Дэн Сяопином концепция «четырех модернизаций» совмещается с традиционными конфуцианскими представлениями о «хорошем обществе» (*сяо канн*). Оригинальность российского варианта надо видеть, скорее, в композиции актуализируемых и привлекаемых на службу современности традиций. В ней собственно народные обычаи сочетаются с одной стороны с реминисценциями времен Российской империи, а с другой – с многочисленными элементами советского прошлого.

Библиография

- Ачкасов, В. (2013), Политика идентичности в современном мире. В: Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 4, 71–77.
- Дилигенский, Г. (2000), К проблеме социального актора в России. В: Заславская, Т. И. (ред.), Куда идет Россия? Власть, общество, личность. Москва, 410–419.
- Российская (2008), Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. В: Полис. III, 10–11.